

XXXVII.

№ 33

Выданъ 19-го августа 1906 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходить еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюковича, 42 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 42 № „Парижскихъ модъ“ и 42 листовъ чертежей и выкроекъ.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

г. XXXVII

1906

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 29.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1906 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ полныхъ собраній сочиненій.

Остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. Салтыкова-Щедрина

и первая 10 книгъ полн. собр. сочиненій

К. М. Станюковича.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ.

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
И. Н. ПЕЧКОВСКОЙ.
Петровскія линіи.

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Римшевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ.

7 р. 50 н.

Съ пересылкою
во всѣ мѣсто-
сти Россіи. . . .

8 р.

За
гра-
ницу. 12 р.

„Маленькая“.

Повѣсть

И. Н. Потапенко.

(Окончаніе).

ХІІ.

Между тѣмъ въ мастерской мадамъ Зуавъ происходила настоящая горячка. Тамъ страшно торопились съ переѣздомъ въ новое помѣщеніе.

Стоялъ уже апрѣль, и на улицѣ очень опредѣленно пахло весной. Въ мастерской шла какая-то двойная жизнь, что очень невыгодно отражалось на ея дѣятельности. Заказовъ было очень много, все къ весеннему и лѣтнему сезонамъ. Обыкновенно въ это время въ мастерской происходила напряженная работа, иногда даже увеличивали составъ мастерицъ, но теперь было не до того, и заказы выполнялись медленно и неисправно, что вызывало понятное недовольство со стороны заказчицъ.

Заказчицы торопились. Съ одной стороны близка была Пасха, съ другой же многія собирались переѣзжать на дачи и въ деревню. Между тѣмъ въ магазинѣ и въ мастерской господствовала страшная безалаберщина. Хотя официально еще не было объявлено мастерицамъ о переходѣ въ новое помѣщеніе, но всѣ, конечно, это знали и всѣ были проникнуты тѣмъ особымъ чувствомъ перемѣны, какое всегда бываетъ передъ переѣздомъ на новую квартиру. Старое помѣщеніе, въ которомъ прежде каждый находилъ себѣ мѣсто, теперь казалось какъ будто недостаточнымъ и неудобнымъ; передъ всѣми, въ видѣ идеала, носилось уже новое, о которомъ говорили необыкновенныя вещи. На всѣхъ нападала лѣнь, ничего не хотѣлось дѣлать, и работа шла кое-какъ.

Самой неисправной оказывалась мадамъ Зуавъ. На Невскомъ около Караванной на всѣхъ парахъ

Малюта Скуратовъ. Рисунокъ К. Лебедева, авт. «Нивы».

кипѣла работа. Мадамъ Зуавъ должна была руководить отдѣлкой помѣщенія, все должно было дѣлаться по ея вкусу. Конечно, и Рембо принималъ въ этомъ дѣятельное участіе, но его присутствіе въ магазинѣ было не важно.

И мадамъ Зуавъ часто засиживалась слишкомъ долго въ новомъ помѣщеніи, конечно, по необходимости, и изъ-за этого опаздывала въ магазинъ. Заказчицы должны были дожидаться ея по цѣлымъ часамъ. Онѣ съѣзжались къ ней, точно въ клубъ, и волей-неволей проводили время въ разговорахъ. Когда же пріѣзжала мадамъ Зуавъ, то ей приходилось извиняться передъ ними, ссылаясь на предстоящій переѣздъ, но всѣ были очень недовольны.

Самая трудная роль выпала на долю мадмуазель Квиссо, которая должна была справляться одна и въ мастерской, гдѣ мастерицы безъ нея не могли сдѣлать шагу, и въ магазинѣ, и ея на это не хватало. Она вообще не отличалась быстротой дѣйствій, а теперь прямо-таки сбивалась съ ногъ.

Мадамъ Зуавъ видѣла это, и ей не разъ уже приходило въ голову пригласить Маринку. Но мысль о томъ, что опять могутъ произойти непріятныя для нея сцены между Маринкой и Рембо, останавливала ее. Поэтому она страшно торопилась съ переѣздомъ въ новое помѣщеніе.

Но заказы выполнялись все менѣе и менѣе исправно. Это отражалось и на качествѣ работы. Помѣщеніе на Невскомъ было еще не вполне готово, когда начали уже понемногу перебираться.

Еще мадамъ Зуавъ повезло въ томъ отношеніи, что въ этомъ году была ранняя Пасха. Самая большая горячка заказовъ бываетъ именно передъ Пасхой, а затѣмъ заказы вдругъ падаютъ и почти совсѣмъ прекращаются. Мадамъ Зуавъ воспользовалась этимъ и сейчасъ же послѣ Пасхи перестала принимать заказы.

И вотъ однажды немногія заказчицы, все еще пріѣзжавшія въ магазинъ, нашли дверь его запертой и на ней вывѣщенное объявленіе, сообщавшее о томъ, что, по случаю переѣзда на новую квартиру, магазинъ и мастерская закрыты на всѣ лѣтніе мѣсяцы.

Въ это же время и Маринка получила извѣстіе, которое при прежнихъ обстоятельствахъ могло бы доставить ей несказанное счастье, но теперь не произвело на нее никакого впечатлѣнія. Она получила письмо, сообщавшее ей о томъ, что мастерская и магазинъ въ новомъ помѣщеніи откроются 15 августа, но что служащія должны будутъ собраться въ концѣ іюля. Къ этому времени и ей предлагали явиться. Письмо было подписано самой хозяйкой, но, вмѣсто знакомаго ей имени Зуавъ, стояло уже другое: Рембо.

Маринка показала это письмо Адольфу: онъ сказалъ:

— Да, это уже состоялось. Нѣтъ уже больше мадамъ Зуавъ, теперь есть только мадамъ Рембо, и въ этомъ-то вся суть, Марина. Ахъ, вы не можете себѣ представить, какъ это хорошо для насъ! Это имѣетъ прямое отношеніе къ нашему дѣлу. Это удивительно хорошо для насъ.

— Я этого не понимаю,—сказала Марина.

— Вы и не можете понимать,—отвѣтилъ Адольфъ:—но вы скоро все поймете. А теперь прошу васъ только вѣрить.

Марина не допрашивала его, она вѣрила ему. Она теперь вообще во всемъ вѣрила Адольфу. Да и какъ было ему не вѣрить, когда онъ каждымъ своимъ шагомъ доказывалъ глубокую искренность своихъ намѣреній и велъ себя, какъ настоящій и притомъ хорошій женихъ.

Въ маленькой квартиркѣ Кацавейкиныхъ шли спѣшныя приготовленія. Однажды Адольфъ пришелъ къ Неонилѣ Панкратевнѣ, выбравъ именно такое время, когда Маринки не было дома, положилъ передъ нею пять сотенныхъ бумажекъ и сказалъ:

— Я давно уже хотѣлъ это сдѣлать, Неонила Панкратевна. Мнѣ только казалось, что при Маринѣ неудобно, она еще не понимаетъ и можетъ обидѣться. Но

вы, навѣрно, смотрите здраво. Я знаю, что у васъ нѣтъ денегъ, но у меня онѣ есть. Намъ нечего считаться. Деньги уже не мои, а наши съ Мариной. Я такъ смотрю на это. Такъ вотъ возьмите и сдѣлайте все, что нужно: бѣлье, платье для вѣнчанія и все другое... Вы знаете ужъ это лучше, чѣмъ я...

Неонила Панкратевна, конечно, и не думала отказываться. Она взяла деньги и въ тотъ же день вечеромъ сказала Маринкѣ:

— Онъ прекрасный человѣкъ, этотъ Адольфъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ очень любитъ тебя. Посмотри, что онъ принесъ сегодня!

Она показала ей пять сотенныхъ.

Оказалось, что и Маринка тоже смотрѣла на вещи здраво. Съ тѣхъ поръ, какъ Адольфъ сдѣлалъ ей предложеніе, она уже не считала неловкимъ брать отъ него что бы то ни было. И онѣ вмѣстѣ дѣятельно принялись за приготовленіе приданого.

Когда Адольфъ приходилъ къ нимъ и видѣлъ, какъ Маринка поглощена этимъ новымъ дѣломъ—устройствомъ своего будущаго счастья, онъ съ ликующимъ лицомъ спрашивалъ ее:

— Ну, что, Марина, вы довольны?

— Довольна, о, еще какъ довольна,—говорила Маринка:—и благодарна вамъ, Адольфъ.

— О, что вы, полноте... Во всемъ этомъ дѣлѣ вы главная, я долженъ быть вамъ благодаренъ... Но то ли еще будетъ, Марина, вы увидите... Будетъ что-то удивительное, вы скоро увидите...

И все это Адольфъ говорилъ съ такимъ вдохновеннымъ видомъ, что въ инныя минуты казался Маринкѣ даже страннымъ. Вообще въ послѣднее время онъ приходилъ какой-то взволнованный, даже взвинченный. Маринкѣ иногда казалось, что онъ не совсѣмъ здоровъ. И внѣшній видъ его перемѣнился—онъ замѣтно похудѣлъ.

Однажды она сказала ему:

— Право, Адольфъ, мнѣ иногда кажется, что вы страдаете. Вы даже похудѣли. Отчего вы такой нервный сдѣлались?

— О, что вы, полноте, полноте! — воскликнулъ Адольфъ. — Я не замѣчаю, чтобъ я похудѣлъ, но если это и такъ, то отъ счастья, отъ одного только счастья. Ни отъ чего другого это не можетъ быть.

Въ особенности бросалось въ глаза его странное состояніе, когда приближалось лѣто. Съ точки зрѣнія Неонила Панкратевна онъ даже велъ себя нѣсколько странно. У нея все было готово. Было куплено и сдѣлано приданое. И она однажды сказала ему:

— Вотъ, господинъ Адольфъ (она такъ его называла), у насъ уже все готово, хоть и свадьбу играть...

— Неужели? Вотъ и прекрасно. Значитъ, можно будетъ во всякое время...

Такъ странно онъ сказалъ въ то время, когда она ждала точнаго обозначенія: когда же именно? Она для того и сообщила ему, чтобы вызвать на это.

И послѣ этого она не разъ намекала ему, но онъ все не догадывался. Однажды она такъ-таки прямо и объяснила ему:

— Вотъ, господинъ Адольфъ, я уже вамъ сказала, что у насъ все готово. За чѣмъ же теперь остановка? Адольфъ нѣсколько смутился, но не растерялся.

— Да, это правда, что остановки нѣтъ никакой,—сказалъ онъ. — Но, Неонила Панкратевна, вѣрьте мнѣ, что еще не пора. Есть обстоятельства... Потомъ вы узнаете ихъ и сами согласитесь со мной, что было не пора...

Неонила Панкратевна сдѣлала видъ, что вѣритъ ему и соглашается съ нимъ, но въ дѣйствительности она переживала мучительныя минуты сомнѣнія. Станный онъ человѣкъ. Прежде онъ не казался ей такимъ. Когда онъ въ первый разъ пришелъ къ Маринкѣ и она узнала его поближе, онъ казался ей спокойнымъ, разсудительнымъ. А теперь онъ все куда-то рвется. Забѣжить на минуту,

и ужъ ему некогда, и опять за шляпу берется. Странный человѣкъ. Несомнѣнно, онъ любитъ Маринку, заботится о ней, а вотъ вѣнчаніе все откладываетъ, и не видно для этого никакихъ причинъ.

Все это вмѣстѣ взятое, въ связи съ его взвинченнымъ видомъ, нервностью, торопливостью, наводило ее на нѣкоторую мысль. И она уже приняла кой-какія свои мѣры.

Ей было извѣстно, что Адольфъ теперь живетъ въ гостиницѣ; она узнала, гдѣ именно. И тамъ она побывала и побесѣдовала наединѣ съ швейцаромъ.

— Это дѣйствительно, — сказалъ ей швейцаръ: — что они странные: цѣлый день ихъ не бываетъ дома. Такъ иногда забѣгутъ на минутку, но всегда очень торопятся; по видимости такъ, какъ будто заняты важными дѣлами.

Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что иногда къ Адольфу приходили какіе-то люди съ образчиками то обоевъ, то матерій для мебели. Иногда являлись мастера. Все это швейцаръ узнавалъ изъ разспросовъ и разговоровъ съ ними.

Это были свѣдѣнія странныя, но они не заключали въ себѣ ничего угрожающаго; ничего дурного въ поведеніи Адольфа швейцаръ не замѣтилъ и, несмотря на то, что Неонила Панкратьевна дала ему цѣлый рубль на чай, все-таки онъ не могъ ей сообщить никакихъ позорящихъ обстоятельствъ изъ жизни Адольфа.

Приходилъ онъ домой всегда во-время, а ужъ самое позднее—въ двѣнадцать ночи. Возвращался всегда одинъ, не кутилъ, съ женщинами не возился.

„Должно-быть, онъ квартиру приготовляетъ, чтобы жить въ ней потомъ“, — сообразила Неонила Панкратьевна.

Однако хотя она немного и успокоилась насчетъ образа жизни Адольфа, но тревожное состояніе продолжалось. Впрочемъ, о своихъ сомнѣніяхъ она ничего не сообщала Маринкѣ. Зачѣмъ смущать дѣвушку! Маринка была такъ счастлива, она такъ вѣрила въ будущее и въ Адольфа не сомнѣвалась.

XIII.

Поведеніе Адольфа могло казаться страннымъ не только Неонилѣ Панкратьевнѣ, очень заинтересованной въ немъ, но и вообще всякому постороннему наблюдателю.

Какъ только ему стало извѣстно, что мадамъ Зуавъ, сдѣлавшаяся въ тотъ день госпожой Рембо, окончательно переехала изъ стараго помѣщенія въ новое, онъ сейчасъ же явился къ управляющему того дома, гдѣ прежде находилась мастерская.

— Вы меня знаете, господинъ управляющій, — сказалъ Адольфъ въ высшей степени дѣловымъ тономъ. Онъ вообще въ послѣднее время усвоилъ крайне дѣловой тонъ. — Но вы, можетъ-быть, не знаете, что я больше уже не живу съ своей маманъ, мы съ нею совершенно раздѣлились, и я намѣренъ теперь завести свое дѣло. Я пока не могу вамъ сказать, какое именно, вы понимаете, въ коммерціи всегда бываютъ тайны, и такъ какъ у меня по моему дѣлу есть конкуренты, то я хотѣлъ бы пока сохранить это въ тайнѣ, и потому то, что я буду говорить съ вами, пусть будетъ между нами. Могу я разсчитывать на вашу скромность?

— Безусловно, господинъ Зуавъ.

— Ну, такъ вотъ, я хочу снять у васъ это помѣщеніе.

— Все?—съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ спросилъ управляющій.

— Да, именно все, какъ низъ, гдѣ была мастерская и магазинъ, такъ и верхъ, гдѣ была квартира. Желая заключить контрактъ на три года. Если вы согласны произвести очень быстро капитальный ремонтъ... Но долженъ предупредить васъ, что нужна большая быстрота...

— Съ удовольствіемъ, господинъ Зуавъ. Вы очень хорошо понимаете, что мы въ этомъ заинтересованы.

— Ну, такъ вотъ, заключимте контрактъ.

Контрактъ былъ заключенъ, и уже съ слѣдующаго дня Адольфъ началъ посѣщать старое пепелище мадамъ Зуавъ каждый день. Онъ забирался туда раннимъ утромъ

и внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ремонтъ былъ произведенъ такъ, какъ слѣдуетъ, и именно такъ, какъ ему надо. Былъ усиленный нарядъ рабочихъ, одновременно ремонтировавшихъ нижнее помѣщеніе и верхнее.

Это занятіе совершенно поглощало Адольфа. Утро онъ проводилъ тамъ, а днемъ рыскалъ по всему Петербургу. Онъ выбиралъ обои, высматривалъ мебель. Онъ старался, чтобы все было устроено въ одномъ стилѣ и именно въ томъ, какой ему нравился. Онъ любилъ все свѣтлое, онъ находилъ, что при свѣтлой обстановкѣ лучше сохраняется свѣтлое настроеніе, пріятнѣе работать.

Ремонтъ стараго помѣщенія шелъ быстро, на всѣхъ парахъ. Весь іюнь тамъ стучали молотки, скрипѣли пилы, возились маляры, штукатуры, обойщики. Адольфъ кипѣлъ, какъ въ аду.

Даже къ Кацавейкинымъ онъ забѣгалъ всего на какихъ-нибудь полчаса. Только въ праздники онъ проводилъ у нихъ много времени. Иногда они съ Маринкой ѣздили куда-нибудь за городъ, въ Царское Село или въ Озерки, и вечеромъ слушали тамъ музыку.

Если бы кто-нибудь наблюдалъ за темами его разговоровъ съ Маринкой, то замѣтилъ бы странное явленіе: онъ какъ-то избѣгалъ говорить съ нею о Морской улицѣ, о старой мастерской мадамъ Зуавъ. Онъ точно боялся обратить ея вниманіе на этотъ пунктъ, чтобы она не заинтересовалась какъ-нибудь и не пошла смотрѣть. Съ необыкновенной тщательностью онъ подготовлялъ ей сюрпризъ. Впрочемъ, у него были и другія основанія чисто дипломатическаго свойства. Хотя онъ признавалъ Маринку въ высшей степени серьезной дѣвушкой, тѣмъ не менѣе она все-таки была женщина. Могла какъ-нибудь нечаянно проболтаться, дошло бы до фирмы Рембо, и могли бы выйти большія затрудненія.

И вотъ наступилъ іюль, когда для Адольфа началась самая отвѣтственная работа. Никто не видѣлъ, какъ онъ все это дѣлалъ. Адольфъ сидѣлъ внутри помѣщенія и тамъ распоряжался, но всѣ видѣли, какъ подѣзжали возы съ мебелью, и всѣ понимали, что на старомъ мѣстѣ прежней мастерской мадамъ Зуавъ затѣвается что-то новое, что-то большое.

Впрочемъ, теперь, именно въ іюлѣ, онъ уже не боялся случайной встрѣчи съ матерью или съ Рембо. Онъ имѣлъ самыя точныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ нѣдрахъ старой фирмы.

Онъ зналъ, что бракосочетаніе его матери съ Рембо произошло безъ всякой помпы. Приглашеній никому не посылали, и свадьбы никакой не было, а просто постѣ совершенія обряда были посланы извѣщенія о совершившемся фактѣ. Всѣ заказчицы, какія только когда-либо были у мадамъ Зуавъ и чьи адреса нашлись въ ея книгахъ, получили извѣщеніе о томъ, что старая фирма „мадамъ Зуавъ“ переименована въ „мадамъ Рембо, бывшая Зуавъ“.

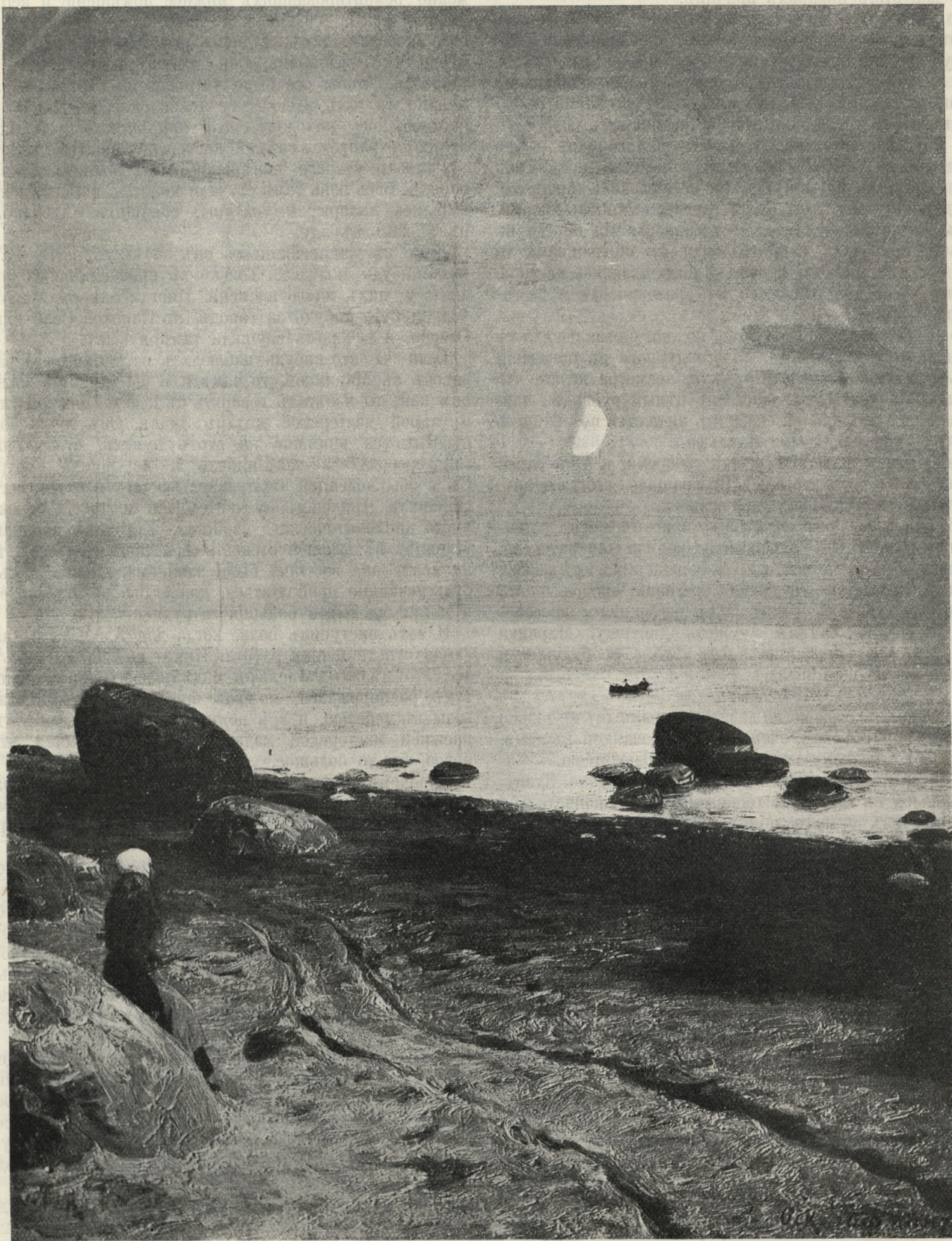
Хотя внутренность новаго помѣщенія далеко еще не вполне была отдѣлана, и для мадамъ Рембо было много работы, но перспектива свадебнаго путешествія перевѣсила дѣловыя соображенія. Супруги Рембо, переселившись на новую квартиру, довѣрили всю оставшуюся отдѣлку мадмуазель Квиссо, а сами рѣшились съѣздить за границу.

Путешествіе было кратковременнымъ, они проѣздили не болѣе трехъ недѣль, но за это время успѣли сдѣлать многое. Они провели двѣ очаровательныхъ недѣли въ Швейцаріи, посѣщая чудныя мѣста на берегу озера Четырехъ Кантоновъ. Здѣсь мадамъ Рембо была вознаграждена за всѣ тѣ огорченія, которыя претерпѣла до свадьбы. Рембо былъ съ нею нѣженъ и даже казался влюбленнымъ. Богъ знаетъ, такъ ли подѣйствовала на его сердце швейцарская природа, или онъ разсчитывалъ такимъ образомъ прочнѣе укрѣпить свое влияніе надъ нею, но онъ былъ просто неузнаваемъ: онъ совѣтъ, даже косо, не посматривалъ на женщинъ, какъ будто

ихъ не существовало, а все время нѣжно смотрѣлъ въ глаза мадамъ Рембо.

Но они не могли позволить себѣ больше двухъ недѣль

реснаго, сдѣлать необходимые заказы, приобрести фасоны и модели. Все это они дѣлали, какъ настоящіе знатоки своей специальности, и тутъ Рембо дѣйствительно ока-

Ночь на сѣверѣ. Соловки.

Картина О. Гофмана, авт. «Нивы».

удовольствія и, твердо помня, что у нихъ на плечахъ огромное ответственное дѣло, изъ Швейцаріи направились въ Парижъ.

Въ Парижѣ въ это время былъ самый плохой сезонъ, но они сумѣли найти все, что имъ было надо. Здѣсь они провели всего только одну недѣлю и за эту недѣлю успѣли оббѣгать и рассмотреть все, что только было инте-

зася очень полезенъ. У него были большія связи въ портняжномъ мірѣ.

Путешествіе ихъ было въ высшей степени плодотворно: они привезли съ собой въ Петербургъ цѣлую кучу вещей, изъ которыхъ каждая могла свести съ ума любую заказчицу мадамъ Рембо.

И вотъ въ петербургскихъ газетахъ на первой стра-

ниѣ появилось обращенное къ кліентамъ извѣщеніе о томъ, что мастерская мадамъ Зуавъ и магазинъ переведены на Невскій проспектъ близъ Караванной, что съ

торыя можно видѣть въ магазинѣ, и наконецъ торжественно сообщалось, что отнынѣ прежняя фирма будетъ замѣнена новой, именно: „мадамъ Рембе, бывшая Зуавъ“.

Ночь на югѣ. Бахчисарай. Картина К. М. Проскурнина, авт. «Нивы».

15 августа въ ней начинается пріемъ заказовъ и работа, попутно было сказано, что фирма приобрѣла на мѣстѣ въ Парижѣ замѣчательныя послѣднія модели, ко-

Такое точно извѣщеніе было вывѣшено на дверяхъ при входѣ въ магазинъ.

На подъѣздѣ же красовалась огромная новая вывѣска,

на которой по черному фону было написано золотыми буквами: „Madame Rimbau, ci-devant Zouave“.

Маринка еще въ началѣ августа получила изъ новой мастерской напоминаніе о томъ, что ей слѣдуетъ уже явиться къ исполненію своихъ обязанностей. Она на это ничѣмъ не откликнулась.

А дней за пять до открытія новой мастерской къ ней вдругъ совершенно неожиданно пришла Аня. Она явилась по порученію мадмуазель Квиссо.

— Что же ты, Маринка, не являешься? — спросила она: — вѣдь тебя тамъ ждутъ. Мадамъ Зуавъ давно уже спрашиваетъ. И, знаешь, она очень беспокоится... Она говоритъ, что ты такъ нужна ей, страсть какъ нужна...

Маринка смѣшалась. Она не знала, какъ отвѣтить на это. Ужъ это, конечно, было дѣломъ рѣшеннымъ, что она не станетъ работать у мадамъ Зуавъ, по крайней мѣрѣ теперь, когда Адольфъ находится съ нею въ такихъ отношеніяхъ. Да и вообще она не знала, что будетъ дѣлать съ собой. Адольфъ до сихъ поръ держалъ въ тайнѣ дѣло, на которое возлагалъ столько надеждъ.

Но ее выручила Неонила Панкратьевна.

— Нездоровится ей, — сказала она: — сами видите, какая она блѣдная. Вотъ было поправилась лѣтомъ, а теперь опять...

Это было даже прямо въ противность очевидности. Маринка вовсе не была блѣдна. Съ того времени, какъ Адольфъ сдѣлалъ ей предложеніе, нервы ея вдругъ успокоились, и она, видимо, начала поправляться и теперь чувствовала себя отлично.

И Аня, кажется, поняла, что тутъ со стороны Неонилы Панкратьевны политика. Она спросила:

— Такъ и сказать?

— Да, милая, такъ и скажите. Нездоровится, молъ, ей да и только.

Когда Аня ушла, Маринка упрекнула мать:

— Какъ же можно такъ говорить, мамаша? Первое, что это неправда, и всякій видитъ, что я совсѣмъ здорова, а второе — можетъ-быть, это поставитъ ихъ въ затрудненіе.

— Такъ неужто же ты изъ-за этого пошла бы къ нимъ наканунѣ своей свадьбы?

— Нѣтъ, я не пошла бы, мамаша, но онѣ, если-бъ знали правду, могли бы заблаговременно подыскать себѣ другую. У нихъ скоро открытіе, и никого не будетъ. Одна мадмуазель Квиссо не справится, особенно теперь, въ такомъ большомъ магазинѣ.

— Ничего, матушка, не обѣднѣютъ, — говорила Неонила Панкратьевна: — что имъ станется? Капиталь у нихъ большой. Небось, онѣ не постѣснились удалить тебя, когда имъ тамъ что-то такое было неудобно... И не посмѣли на твои способности и на всю пользу, какая была отъ тебя. И обѣднѣть отъ того не побоялись. А думаешь, это легко? Я тогда ночей не спала. Тебѣ не говорила, не хотѣла напрасно беспокоить, а теперь скажу: шаталась я по разнымъ мастерскимъ да мѣсто для тебя присматривала. Очень мнѣ отъ этого было много удовольствія, нечего сказать. Ну, а теперь вотъ тебѣ Богъ счастье послалъ, такъ пусть и онѣ чувствуютъ.

Когда вечеромъ зашелъ Адольфъ, и ему сообщили о случившемся, онъ вполне одобрилъ образъ дѣйствій Неонилы Панкратьевны. Именно такъ и слѣдовало сказать. Если кто и будетъ бѣситься, такъ господинъ Рембо, а его щадить нечего.

XIV.

Адольфъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждалъ, когда наступитъ 15-е августа. И наканунѣ этого дня онъ пришелъ къ Кацавейкиной и сказалъ:

— Завтра нельзя вѣнчаться, потому что это постный день, но послѣзавтра, 16-го, мы поѣдемъ въ церковь.

— Это навѣрно? — спросила Неонила Панкратьевна.

— Да, навѣрно. Я уже все приготовилъ, что нужно. Такъ будьте и вы готовы.

Теперь Неонила Панкратьевна упрекнула себя за то, что она сомнѣвалась въ Адольфѣ; она стала готовиться къ вѣнчанью.

И удивительнѣе всего было то, что въ тотъ же день вечеромъ къ Маринкѣ пришла Аня и съ нею еще нѣсколько подругъ. Онѣ прямо начали поздравлять Маринку.

— Ахъ, какая ты счастливая, Маринка! — говорила ей Аня. — И какъ это хорошо, что Адольфъ на тебѣ женится. Но какъ будетъ взбѣшена мадамъ Зуавъ, а ужъ въ особенности этотъ Рембо! О, онъ терпѣть не можетъ Адольфа.

Очевидно, у Адольфа были очень хорошія связи съ мастерской мадамъ Рембо. Дѣвушки пришли специально для того, чтобы участвовать въ свадьбѣ. Было тутъ много разсказовъ о новомъ помѣщеніи на Невскомъ около Караванной.

— Роскошное помѣщеніе, — говорила Аня: — куда лучше прежняго, и мѣста чуть не вдвое больше. А мадамъ очень жалѣетъ о томъ, что ты нездорова. Я такъ и сказала ей, что ты нездорова. Ну, если она узнаетъ, то, должно-быть, и мнѣ достанется. И ты ей такъ нужна теперь, что просто страсть. Уже господинъ Рембо говорилъ ей, чтобъ она взяла другую, но она и слышать не хочетъ. Нѣтъ, говорить, другая мнѣ не годится, развѣ, говорить, можно сравнить всякую другую съ Маринкой! А ты, Маринка, должно-быть, къ ней не пойдешь? Гдѣ ужъ теперь!

— Должно-быть, что не пойду! — сказала, улыбаясь, Маринка. — Адольфъ мнѣ не позволитъ.

Дѣвушки обѣщали къ вѣнчанію непремѣнно явиться. Хотя это было очень трудно, такъ какъ это будетъ на другой день послѣ открытія мастерской. Но такъ какъ заказы еще только начнутъ принимать, то, вѣроятно, работы будетъ немного, и можно будетъ какъ-нибудь удрать.

Прошло 15-е августа, и наступилъ день 16-го. У воротъ дома, гдѣ жили Кацавейкины, стояли двѣ кареты. Аня съ подругами оказались вѣрны своему слову и явились. Общими силами одѣвали Маринку.

На минуту забѣжалъ Адольфъ, уже во фракѣ, совсѣмъ готовый къ вѣнцу. Но Маринку ему не показали.

— Торопитесь же, торопитесь, — сказалъ Адольфъ: — въ церкви уже все готово, даже свѣчи зажжены.

И вотъ Маринка была готова. Всѣ размѣстились въ двухъ каретахъ. Неонила Панкратьевна осталась дома. Адольфъ сказалъ ей, чтобъ она ждала кареты, которая за ней пріѣдетъ, чтобы везти ее прямо въ новую квартиру.

Адольфъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы вѣнчаніе вышло приличное и вполне такъ, какъ надо. Хотя не было никакой огласки и никакихъ приглашеній, но у него были близкіе друзья, которые, посвященные въ тайну, явились въ качествѣ шаферовъ. Маринка же привезла съ собой подругъ по мастерской. Онѣ, конечно, были одѣты не по-свадебному, но все же постарались одѣть свои лучшія платья.

Вѣнчаніе происходило въ маленькой домово́й церкви, пѣлъ небольшой хоръ, и горѣло много свѣчей.

Маринка была въ великолѣпномъ бѣломъ платьѣ съ множествомъ цвѣтовъ, въ которыхъ она утопала, какъ сказочная принцесса.

Когда послѣ вѣнчанія были поданы кареты, и Адольфъ, взявъ свою жену подъ руку, посадилъ ее въ экипажъ и самъ сѣлъ съ нею рядомъ, онъ сказалъ ей:

— Знаешь ли, милая Марина, куда мы ѣдемъ?

— Домой, — нерѣшительно сказала Маринка.

— Да, домой, — таинственно отвѣтилъ Адольфъ. — Но куда? если-бъ ты знала, куда?.. Мы ѣдемъ въ нашу новую квартиру... Ты сейчасъ увидишь. Ты будешь поражена...

И въ самомъ дѣлѣ Маринка была поражена, когда карета остановилась у знакомаго ей подъѣзда магазина, который прежде принадлежалъ мадамъ Зуавъ.

— Взгляни, — сказалъ ей Адольфъ, указывая рукой наверхъ, когда они вышли изъ кареты.

Тамъ, на подъѣздѣ, красовалась вывѣска: „Madame Zouave“.

Марина въ первую минуту ничего не поняла; ей даже показалось, что это была старая вывѣска, которую просто-на-просто забыли снять. Но потомъ все объяснилось.

Когда они поднялись наверхъ, ихъ встрѣтила Неонила Панкратьевна въ веселомъ праздничномъ нарядѣ, вся сіяющая. Адольфъ распорядился, чтобы ее своевременно привезли сюда.

Въ той самой квартирѣ, гдѣ прежде жила мадамъ Зуавъ, ставшая теперь мадамъ Рембо, въ небольшой столовой собрались друзья Адольфа, Неонила Панкратьевна, Маринка и ея подруги. Въ рукахъ всѣ держали бокалы и пили шампанское за здоровье новобранцевъ.

Это былъ праздникъ молодыхъ Зуавовъ. Въ этотъ день они ничѣмъ не занимались, кромѣ веселья.

Вѣнчаніе состоялось въ два часа, а друзья разошлись только часовъ въ семь вечера. И вотъ Адольфъ и Маринка остались вдвоемъ. Адольфъ подошелъ къ своей женѣ.

— Ну, что-жъ ты теперь скажешь, Марина? — промолвилъ онъ.

Марина посмотрѣла на него горящими глазами, въ которыхъ было цѣлое море счастья, и прильнула къ нему.

— О, милый... я не знаю... я боюсь... Вѣдь это такое страшное счастье... Да, да, мнѣ страшно отъ всего этого.

— Какъ? развѣ не хорошо?

— Слишкомъ... Черезчуръ хорошо... Такое счастье не прощается... А мадамъ Зуавъ, развѣ она проститъ?

— Но мадамъ Зуавъ здѣсь, мадамъ Зуавъ — это ты. Больше въ Петербургѣ нѣтъ другой мадамъ Зуавъ, — сказалъ Адольфъ. — Пойдемъ-ка теперь внизъ: ты еще не видала самага главнаго.

Неонила Панкратьевна, конечно, уже осмотрѣла въ подробностяхъ и мастерскую, и магазинъ. И ея восторгамъ не было конца. Но она и теперь пошла съ ними, она хотѣла еще разъ пережить свои восторги. И они втроемъ ходили по знакомому и совершенно заново отдѣланному помѣщенію.

Маринка чувствовала себя такъ, какъ будто, свободно расправляя члены, она плавала въ дивной прохладной водѣ. Она должна была отдать дань справедливости вкусу Адольфа: все было удивительно мило, красиво и хорошо приспособлено. Въ мастерской было куда больше удобствъ, чѣмъ прежде, казалось даже, что въ ней стало свѣтлѣе: это оттого, что Адольфъ выбралъ свѣтлые обои, свѣтлую обивку и даже окраску мебели. И въ магазинѣ были устроены всѣ новѣйшія приспособленія, въ которыхъ иногда чувствовался недостатокъ въ прежнее время.

А главное, Адольфъ успѣлъ даже позаботиться и о моделяхъ. Тутъ были уже образцы изящныхъ фасоновъ, всюду лежали послѣдніе парижскіе журналы, словомъ, все было приготовлено, что было необходимо для магазина, хоть сейчасъ принимать заказчицъ.

А въ мастерской стояли двѣ швейныя машинки и было устроено электрическое освѣщеніе, котораго никогда не знала мастерская прежней мадамъ Зуавъ. Мастерницы тогда безпощадно портили свои глаза при тускломъ керосиновомъ освѣщеніи.

— Ну, а теперь угадай, Маринка, сколько я на все это ухлопалъ? — сказалъ Адольфъ.

— Не знаю, совсѣмъ не представляю себѣ, — отвѣтила Маринка: — но, должно-быть, очень много.

— Да, много, Марина. Я скажу тебѣ, но только ты не падай въ обморокъ. Тридцать двѣ тысячи, милая, тридцать двѣ тысячи, какъ одна копейка.

Марина поблѣднѣла.

— Неужели? Да откуда же ты взялъ? Вѣдь у тебя было всего двадцать пять.

— А кредитъ? Я своихъ только пятнадцать издержалъ, а остальные — кредитъ. Безъ денегъ никакъ нельзя

оставаться. При дѣлѣ нужны оборотныя средства. Но ты не безпокойся, Марина, мы все вернемъ. О, у насъ дѣло пойдетъ удивительно, я это чувствую.

— И пойдеть, навѣрное, пойдеть, — поддерживала его Неонила Панкратьевна. — Я тоже чувствую вотъ такъ ясно, словно ясновидящая.

Анютѣ и ея товаркамъ нужно было много характера, чтобы не разболтать въ мастерской обо всемъ случившемся. Конечно, имъ сильно досталось отъ мадмуазель Квиссо за самовольное отсутствіе. Но онѣ теперь уже не боялись ея. Еще на свадьбѣ у Маринки у нихъ было рѣшено, что онѣ перейдутъ къ ней въ мастерскую. Имъ удалось соблазнить еще нѣсколькихъ. И вотъ половина мастерицъ новой мастерской мадамъ Рембо однажды отказалась служить ей.

— Какъ? Почему? Съ какой стати?

— Да такъ вотъ, не хотимъ.

И ушли.

XV.

Прошло три дня. Молодые Зуавы окончательно устроились. Въ мастерской уже горѣли электрическія лампочки, и мастерицы сидѣли за столомъ.

И вотъ люди, интересовавшіеся этой стороной жизни, прочитали въ газетахъ, тоже на первой страницѣ, извѣстіе такого рода:

„Мадамъ Зуавъ имѣетъ честь извѣститъ почтеннѣйшую публику, что мастерская и магазинъ ея на Морской улицѣ открываются сего числа. Принимаются заказы. Имѣются самыя послѣдніе парижскіе фасоны“.

Нечего и говорить, что извѣщеніе это тотчасъ же прочитали всѣ заказчицы старой мастерской, и такъ какъ онѣ раньше уже знали, что бывшая мадамъ Зуавъ, ставшая теперь Рембо, переселилась на Невскій, то удивленію ихъ не было конца.

Удивленіе породило нетерпѣніе, и въ тотъ же день около полудня магазинъ на Морской былъ наполненъ любопытствовавшими заказчицами.

Онѣ пріѣхали, конечно, не для того, чтобы дѣлать заказы, а просто, чтобы объяснить себѣ, въ чемъ дѣло.

И вотъ всѣ видѣли, что въ магазинѣ хозяйничаетъ мадмуазель Марина, та самая маленькая мастерица, которая такъ мило все дѣлала и такъ всѣмъ нравилась.

— Но какъ же такъ? Мадамъ Зуавъ... она вѣдь теперь мадамъ Рембо... Она на Невскомъ, мы уже тамъ были, — говорили заказчицы.

— Да, — объяснялъ всѣмъ присутствовавшій здѣсь Адольфъ. — Мадамъ Зуавъ стала теперь мадамъ Рембо, а мадмуазель Марина — моя жена и, значитъ, она мадамъ Зуавъ.

— Такъ вотъ какъ! А въ самомъ дѣлѣ, это такъ просто... Но это такъ и должно было случиться. И какъ у васъ тутъ мило!.. Какъ вы очаровательно все устроили!

Оживленіе въ магазинѣ было страшное. Заказчицы всѣ были болѣе или менѣе между собой знакомы. Но, разумѣется, не всѣ были такого мнѣнія. Многія были даже шокированы.

— Помилуйте, — говорили они: — что же это такое? Это подлогъ какой-то!

Но имъ возражали:

— Здѣсь нѣтъ никакого подлога. Мадмуазель Марина дѣйствительно сдѣлалась мадамъ Зуавъ.

Но можно сказать съ увѣренностью, что по крайней мѣрѣ половина заказчицъ старой мастерской мадамъ Зуавъ рѣшили не измѣнять прежнему помѣщенію и во всякомъ случаѣ попробовать искусство молодой мадамъ Зуавъ. И уже въ первые дни были получены заказы.

На Невскомъ проспектѣ, около Караванной, въ новой мастерской мадамъ Рембо произошла настоящая паника. Конечно, извѣщеніе было прочитано и вызвало недоумѣніе.

— Чтѣ такое? Какъ могло это случиться?

Въ первую минуту тамъ даже не поняли. Мадамъ

Рембо прямо заявила, что это какой-то подлогъ, и что она будетъ преслѣдовать его по закону. Но самъ м-г Рембо этого не думалъ. Онъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и лицо его приняло бронзовый оттѣнокъ.

Адольфъ женился, и получилась новая мадамъ Зуавъ; я въ свое время предупреждалъ васъ, что онъ неравнодушными глазами поглядываетъ на эту маленькую мадамъ Муазель Маринку, а вы остерегались совсѣмъ другого, — ну, вотъ вы и наказаны...

И мадамъ Рембо наконецъ поняла, въ чемъ дѣло. И истина такъ потрясла ее, что ей сдѣлалось дурно. Впрочемъ, она скоро пришла въ себя и тутъ вдругъ она сдѣлалась строгой и непримиримой.

Сейчасъ же она сѣла за столъ, написала письмо Адольфу и въ ту же минуту отослала его. Она прибавила: „И непременно, чтобы далъ отвѣтъ сію же минуту“.

Адольфъ получилъ письмо въ самый разгаръ работы, когда любопытныя заказчицы разсматривали модели и матеріи, и онъ долженъ былъ всѣмъ давать объясненія. Тѣмъ не менѣе, узнавъ, что письмо отъ матери, онъ, какъ корректный сынъ, сейчасъ же прочиталъ его.

Мадамъ Рембо писала:

„Адольфъ, ты поступилъ съ своей матерью не какъ сынъ, а какъ злѣйшій врагъ. Твое поведение не имѣетъ извиненія. Но я надѣюсь, что ты вспомнишь свой долгъ передъ матерью и поспѣшишь явиться, чтобы выслушать мое мнѣніе и поступить согласно съ нимъ. Твоя мать Луиза Рембо“.

— Хорошо, — сказалъ Адольфъ посланному. — Скажи, что я буду сегодня. Но сейчасъ не могу, очень занятъ съ заказчицами.

Письмо мадамъ Рембо не произвело на него особенно сильнаго впечатлѣнія. Ничего другого онъ и ожидать не могъ. И онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ галантно давать объясненія заказчицамъ.

Только часовъ въ шесть вечера онъ освободился и рѣшилъ поѣхать къ мадамъ Рембо, но предварительно онъ сообщилъ о письмѣ Маринкѣ.

— Ахъ, это ужасно, Адольфъ! — воскликнула Маринка. — Съ тобой тамъ Богъ знаетъ что сдѣлаютъ. Право, я боюсь отпускать тебя. Вѣдь этотъ Рембо, онъ давно противъ тебя зубы точить.

— О, я ничего не боюсь, — сказалъ Адольфъ. — Мы дѣйствуемъ вполне законно, и тамап пойметъ это.

— Ну, все-таки ты будь остороженъ, Адольфъ, въ особенности остерегайся этого Рембо.

— Ахъ, милая, да вѣдь этотъ Рембо самый большой трусъ во всемъ Петербургѣ. Такіе господа, которые устраиваются насчетъ женщинъ, никогда не бываютъ храбры.

Съ чернымъ ворономъ. Картина И. Е. Рѣпина, авт. «Нивы».

— Вы ошибаетесь, мой другъ... Это не подлогъ... Это вашъ сынъ отплатилъ вамъ такимъ образомъ за вашу доброту.

— Адольфъ? Но какъ же? Что же такое случилось, я не понимаю...

— Вы не понимаете? — сказалъ Рембо. — Но это ясно.

— Ну, а все-таки, все-таки... Я ужасно боюсь.

Адольфъ поѣхалъ. Его приняли не въ магазинѣ, гдѣ уже кончились занятія, а въ квартирѣ. Мадамъ Рембо вышла къ нему не одна, а въ сопровожденіи мужа.

Адольфъ подошелъ къ ней и холодно, но почтительно поцѣловалъ ея руку. И такъ какъ онъ всегда желалъ быть корректнымъ, то изъ уваженія къ матери и по адресу Рембо, который стоялъ въ отдаленіи, онъ слегка наклонилъ голову.

— Адольфъ! — патетически воскликнула мадамъ Рембо. — Неужели ты можешь спокойно смотрѣть мнѣ въ глаза?

— Почему же, маман, мнѣ не смотрѣть вамъ спокойно въ глаза? — отвѣтилъ Адольфъ. — Я, право, не знаю, чтò я сдѣлалъ такого преступнаго... Можетъ-быть, вы, маман, объясните мнѣ это?

— Какъ? Ты не знаешь, ты, ты? Но я не могу говорить... Пусть Рембо объяснитъ тебѣ.

— Извините, маман, я не буду слушать объясненій господина Рембо, — спокойно, но въ то же время и не теряя почтительности, отвѣтилъ Адольфъ.

Онъ замѣтилъ, какъ при этихъ его словахъ лицо господина Рембо перекошилось.

— Ты долженъ выслушать его, Адольфъ. Ты можешь относиться къ нему, какъ тебѣ угодно, но ты знаешь, что Рембо — мой мужъ, и я вполне доверяю ему свои интересы. Если ты не хочешь признавать этого, то я съ тобой не стану разговаривать.

— Чтò я долженъ признавать, маман? — спросилъ Адольфъ.

— Ты долженъ признавать, что Рембо мой мужъ и твой второй отецъ... — гнѣвно сказала мадамъ Рембо.

— Маман, я уважаю память своего отца, считаю его единственнымъ и во второмъ отцѣ совершенно не нуждаюсь, — сказалъ Адольфъ. — Но все это, право, не относится къ дѣлу. Объясните мнѣ, зачѣмъ вы меня пригласили сюда?

— Чтòбы сказать тебѣ, что ты неблагодарный.

— Напротивъ, я вамъ очень благодаренъ, маман! Вы дали мнѣ двадцать пять тысячъ изъ трехсотъ. Это такой подвигъ съ вашей стороны, который я долженъ помнить всю жизнь...

— Я обѣщала тебѣ поддержку, если она понадобится для дѣла.

— А я обхожусь безъ вашей поддержки, маман! Развѣ это не лучше? Я совершенно увѣренъ, что м-г Рембо находитъ, что это лучше.

— Ты просто непочтительный сынъ.

— И это невѣрно, маман. Вы не можете отрицать, что я почтительно разговариваю съ вами. Да... Итакъ, я получилъ отъ васъ двадцать пять тысячъ изъ трехсотъ. Я употребилъ ихъ на дѣло, которое, какъ я надѣюсь, оправдываетъ мои ожиданія. Чтò же вы можете имѣть противъ этого? Я только доказалъ, что деньги, которыя вы мнѣ выдали, брошены не на вѣтеръ. Я нашелъ для нихъ самое лучшее примѣненіе. Я полагалъ, маман, что вы меня похвалите за это. Я пошелъ по вашей дорогѣ.

— Помимо всего, — сказала мадамъ Рембо: — ты еще вступилъ въ неравный бракъ. Ты долженъ былъ держаться своего круга.

— Я не знаю, маман, какой кругъ вы считаете моимъ... Но я выбралъ себѣ жену по влеченію сердца.

— Довольно. Я съ тобой не умѣю разговаривать; но заявляю тебѣ, Адольфъ, что ты завтра же долженъ закрыть эту мастерскую.

— Я этого не сдѣлаю, маман, — очень твердо сказалъ Адольфъ.

— Или, по крайней мѣрѣ, ты долженъ переименовать фирму. Мадамъ Зуавъ — эта фирма принадлежитъ мнѣ. 25 лѣтъ я держала мастерскую подъ этой фирмой.

— Но вы уже потеряли на нее право, маман, вы добровольно переименовали имя и даже объявили о томъ,

что и старая ваша фирма замѣнена другой. Значитъ, эта фирма была свободна. Да, наконецъ, это соответствуетъ истинѣ. Моя жена дѣйствительно есть мадамъ Зуавъ. Другого имени у нея нѣтъ, и я даже не имѣю права иначе назвать ее...

— Нѣтъ, ты долженъ или закрыть мастерскую, или переименовать фирму... Иначе... я тебя прокляну...

Адольфъ чуть замѣтно усмѣхнулся.

— Маман, это было бы несправедливое проклятiе и потому оно не могло бы имѣть никакого значенія.

Адольфъ былъ совершенно неуязвимъ. Какъ ни кипятилась мадамъ Рембо, какія молніи ни металъ своими красивыми глазами ея мужъ, Адольфъ остался при своемъ мнѣніи и уѣхалъ, не пообѣщавъ ни закрыть мастерскую, ни переименовать фирму.

Дальнѣйшій ходъ событій былъ таковъ.

Дѣла молодыхъ Зуавовъ настолько же съ каждымъ годомъ расширялись, насколько падали они въ новой мастерской мадамъ Рембо.

Сама мадамъ Рембо давно уже разучилась владѣть ножницами, а мадмуазель Квиссо порядочно-таки устарѣла. Новой же закройщицы, которая могла бы поддерживать на должной высотѣ магазинъ, мадамъ Рембо никакъ не могла найти.

Да и заказчицы стали замѣтно отставать отъ нея. Все молодое поколѣніе заказчицъ перешло къ молодымъ Зуавамъ.

И у молодыхъ Зуавовъ дѣла шли блестяще.

Прошло пять лѣтъ. За эти годы мадамъ Рембо претерпѣла множество огорченій. Главное же огорченіе пришло съ другой стороны, именно со стороны Рембо. Ему скоро наскучила роль нѣжнаго супруга, и мадамъ Рембо стала замѣчать, что мужъ ея съ каждымъ годомъ все больше и больше смотрѣлъ куда-то въ сторону. Къ концу же пятилѣтія онъ устроилъ какой-то необыкновенно ловкій финансовый фортель, который обошелся мадамъ Рембо въ крупную сумму. Дѣло имѣло такой видъ, какъ будто бы Рембо былъ обманутъ, но въ дѣйствительности онъ самъ участвовалъ въ обманѣ, и крупная сумма перешла именно въ его карманъ. Иными словами, онъ обобралъ свою жену.

А затѣмъ въ нѣдрахъ новой семьи Рембо разыгрался рядъ капитальныхъ ссоръ, кончившихся тѣмъ, что они разошлись.

Рембо, сильно поддержанный значительной частью капитала его жены, уѣхалъ въ Парижъ, мадамъ Рембо осталась одна, разочарованная въ любви, съ сильно уменьшившимися средствами, съ огромнымъ, некупавшимъ себя магазиномъ на рукахъ. Тогда она стала раскаиваться въ своей несправедливости по отношенію къ сыну и начала мечтать о примиреніи.

Надо отдать полную справедливость Адольфу — онъ остался до конца корректнымъ сыномъ. Узнавъ обо всемъ случившемся, онъ самъ поѣхалъ къ матери и предложилъ ей или соединить фирмы, или просто бросить всѣ дѣла и жить на покоѣ, какъ ей нравится, при чемъ предоставлялъ къ ея услугамъ свои средства, которыя теперь у него сильно возросли.

Мадамъ Рембо выбрала второе. Она устала, да и не могла мириться съ той второстепенной ролью, которая предтояла бы ей въ магазинѣ сына, гдѣ хозяйничала энергичная Маринка.

Она переѣхала къ сыну, и Маринка была по отношенію къ ней такой же почтительной дочерью, какою въ свое время была мастерицей.

Мадмуазель Квиссо тоже нашла себѣ мѣсто въ мастерской молодыхъ Зуавовъ. Отъ нея, разумѣется, не требовали многого, она ограничивалась управленіемъ мастерской, гдѣ была очень полезна, а въ магазинѣ Маринка справлялась сама, взявъ къ себѣ въ помощницы Аниоту, въ память стараго товарищества.

К О Н Е Ц Ъ .

Изобрѣтенія Джузеппе Лино.

Очеркъ Т. Зельмана.

(Съ 7 рис. на стр. 522, 523 и 524).

Подъемъ со дна морского погибшихъ судовъ и потонувшихъ вмѣстѣ съ ними, иногда очень значительныхъ, цѣнностей совершался до послѣдняго времени съ величайшими затрудненіями. Главная часть работъ по подъему и разысканію потонувшихъ въ глубь морскую предметовъ производилась водолазами. Но послѣдніе, вслѣдствіе давленія воды, могутъ опускаться лишь на извѣстную, незначительную глубину и работать подъ водою, въ одинъ пріемъ, лишь очень короткое время. Поэтому отысканіе и извлеченіе корабельныхъ корпусовъ, ихъ грузовъ, денежныхъ ящиковъ и иныхъ цѣнностей по примѣнявшимся доселѣ методамъ требовало такихъ громадныхъ затратъ, что владѣльцы исчезнувшихъ подъ поверхностью моря цѣнностей во многихъ случаяхъ предпочитали отказаться отъ нихъ.

Итальянецъ Джузеппе Лино (рис. 1) своимъ гениальнымъ

составилъ учрежденію богатой компаніи для эксплуатаціи изобрѣтенія. Все это заняло много времени. Черезъ четыре года составила компанія, а еще годъ спустя была готова подводная лодка новой системы.

Подвергая свою жизнь различнымъ опасностямъ, Лино сотни разъ опускался въ этой лодкѣ въ морскія глубины, для изслѣдованія ихъ. При одномъ изъ такихъ опытовъ онъ былъ пораженъ тѣмъ, что, находясь

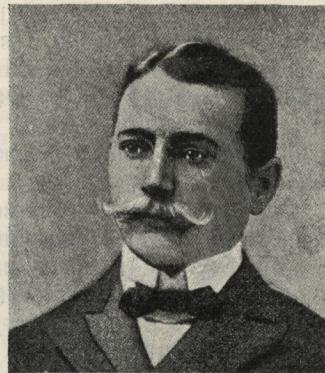

Рис. 1. Джузеппе Лино.

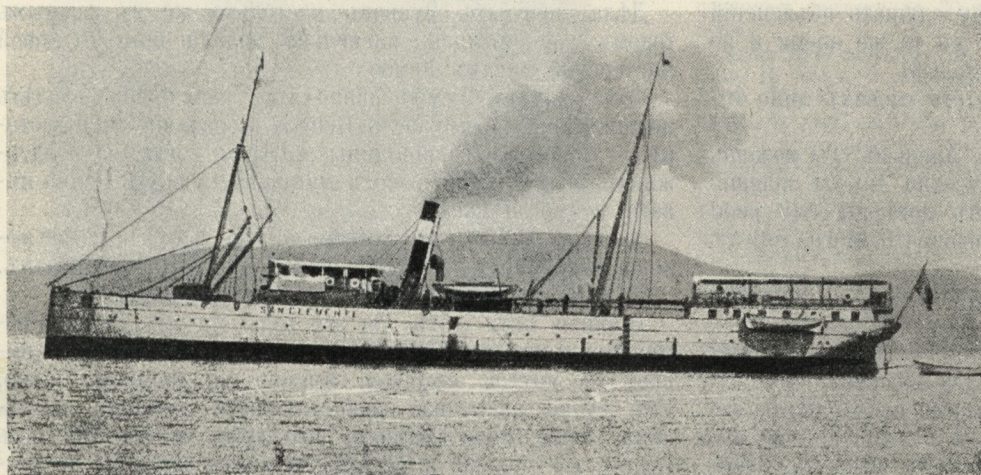

Рис. 2. Яхта Лино „San Clemente“.

изобрѣтеніемъ гидроскопа и элеватора внесъ неоцѣненный вкладъ въ водолазное дѣло.

Джузеппе Лино родился въ 1870 году въ Кьямпо-Арциньяно (Chiampo Arzignano), въ Италіи. Хотя его жизнь, по сравненію съ другими «мучениками-изобрѣтателями», протекала спокойнѣе, все же и она была полна лишеній и борьбы. Джузеппе Лино еще въ дѣтствѣ лишился родителей, оставшись на попеченіи троихъ старшихъ братьевъ. Мальчикомъ Лино былъ фантазеромъ, мечтателемъ. Фантастическіе романы Жюль Верна, которые онъ читалъ съ живѣйшимъ увлеченіемъ, безъ сомнѣнія, дали сильный толчокъ работѣ мысли, а размышленія вселили въ него и укрѣпили идею о собственныхъ новыхъ изобрѣтеніяхъ.

Восемнадцатилѣтнимъ юношей Лино, со скудными сбереженіями въ карманѣ, покидаетъ родину, чтобы самостоятельно пробовать себѣ жизненный путь. Сначала онъ отправляется въ Миланъ и продаетъ тамъ за безцѣнокъ нѣкоторые уже исполненные имъ мало-значительныя изобрѣтенія по эксплуатаціи электричества. Пустячное вознагражденіе за нихъ казалось юношѣ цѣлымъ богатствомъ; оно открыло его, давъ ему возможность отдаться мечтѣ. Лино задается цѣлью серьезно заняться изслѣдованіемъ морскихъ глубинъ.

Однимъ изъ первыхъ изобрѣтеній его въ этой области былъ особаго устройства шаръ, въ которомъ онъ намѣревался опускаться на дно морское для опредѣленія силы давленія воды. Когда шаръ этотъ былъ сооруженъ, Лино отправляется съ нимъ въ прибрежное уединенное мѣстечко Ваду, находящееся между Савоной и Генуей, чтобы тамъ, въ тихомъ уединеніи, произвести нужные опыты и изслѣдованія. Но тутъ молодому изобрѣтателю не повезло. Приступая къ первому опыту погруженія, Лино съ вечера приготовилъ все необходимое, укрѣпивъ шаръ на якорѣ. Но къ утру слѣдующаго дня, когда онъ намѣревался погрузиться внутри шара въ глубь моря, — шаръ исчезъ: жители Вады приплыли къ нему на лодкѣ, подивившись на невиданный имъ предметъ и... потопили его. Вмѣстѣ съ шаромъ погибла мечта, съ стѣе Лино. Когда онъ нѣсколько успокоился отъ огорченія, его мозгъ заработалъ съ удвоенною энергіей: Лино теперь особенно былъ заинтересованъ изслѣдованіемъ морскихъ глубинъ, — ему нужно было найти и извлечь потонувшій шаръ.

Но сначала приходилось подумать о средствахъ къ жизни: ихъ не было. Лино поступаетъ на фабрику. Энергично работая здѣсь, онъ въ то же время не покидаетъ своей мечты, обдумываетъ планы, исполняетъ чертежи.

Нѣкоторые изъ послѣднихъ, именно чертежи новой подводной лодки, оказались случайно въ рукахъ принцпала Лино. Этотъ не только заинтересовался идеями Лино, но и значительно содѣй-

ствовалъ учрежденію богатой компаніи для эксплуатаціи изобрѣтенія. Все это заняло много времени. Черезъ четыре года составила компанія, а еще годъ спустя была готова подводная лодка новой системы.

Подвергая свою жизнь различнымъ опасностямъ, Лино сотни разъ опускался въ этой лодкѣ въ морскія глубины, для изслѣдованія ихъ. При одномъ изъ такихъ опытовъ онъ былъ пораженъ тѣмъ, что, находясь на нѣсколько сотъ футовъ ниже поверхности воды, онъ явственно могъ читать газету. Подъ вліяніемъ этого, въ головѣ изобрѣтателя зародилась идея о морскомъ «телескопѣ» — аппаратѣ, посредствомъ котораго можно было бы смотрѣть въ глубь воды, изслѣдовать ихъ дно.

И эта идея была вскорѣ осуществлена, аппаратъ построенъ. Въ половинѣ 1903 года Лино получилъ субсидію въ размѣрѣ около 200.000 рублей и при-

на нѣсколько сотъ футовъ ниже поверхности воды, онъ явственно могъ читать газету. Подъ вліяніемъ этого, въ головѣ изобрѣтателя зародилась идея о морскомъ «телескопѣ» — аппаратѣ, посредствомъ котораго можно было бы смотрѣть въ глубь воды, изслѣдовать ихъ дно.

Эта идея всецѣло охватила Лино. Всѣ мысли, вся изобрѣтательная фантазія его были направлены теперь къ тому, какъ бы устроить такой аппаратъ.

Два года Лино работалъ надъ проектомъ аппарата, а спустя еще два года неутомимый труженикъ, преодолевъ всѣ затрудненія, соорудилъ модель гидроскопа. Въ январѣ 1903 года, въ Порто-

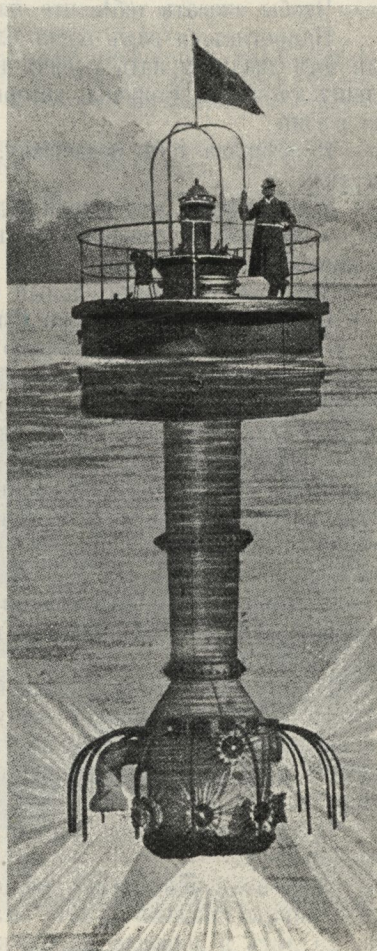

Рис. 3. Гидроскопъ съ платформой.

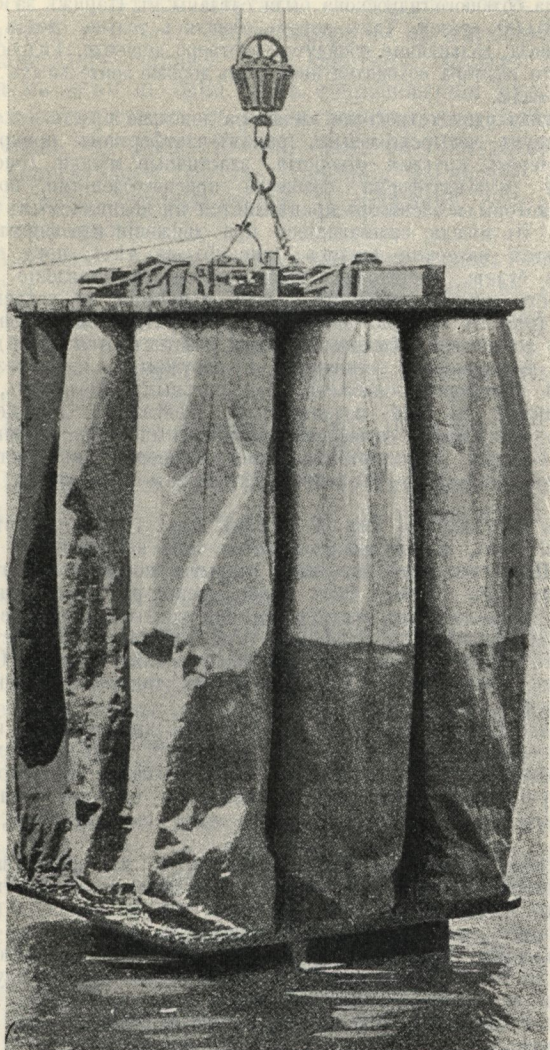

Рис. 4. Элеваторъ съ ненаполненными воздухомъ мѣшками.

нялся за устройство больших и малых гидроскопов и элеваторовъ.

Главный вопросъ состоялъ теперь въ томъ, гдѣ и на чемъ раньше всего примѣнить на практикѣ опыты подъема. Вблизи и вдали были предприняты изысканія, отовсюду собирались свѣдѣнія о поглощенных моремъ сокровищахъ. Въ разслѣдованіяхъ, въ собираніи этихъ свѣдѣній особенно живое участіе принялъ другъ Пино, докторъ Карло Иберти. Свѣдущій изслѣдователь коралловыхъ грядъ, мѣстъ, обильныхъ жемчужными раковинами и губками, хорошо ознакомившійся, въ частности, съ исторіей бухты Виго, на испанскомъ побережьѣ, онъ указалъ Пино на этотъ пунктъ, который наконецъ и былъ избранъ для перваго опыта добыванія морскихъ «кладовъ» посредствомъ гидроскопа и элеватора.

Гавань Виго, гдѣ не такъ давно забирала уголь наша эскадра во время слѣдованія на Дальній Востокъ, извѣстна тѣмъ, что здѣсь англійскій флотъ разбилъ 22 октября 1702 г. испанскую эскадру, которая везла добытое въ Америкѣ золото и серебро. Треть судовъ перешла въ руки непріятеля, а остальные пошли ко дну. По свѣдѣніямъ, добытымъ изъ испанскаго архива въ Мадридѣ, съ погибшими судами погибло въ нѣдрахъ моря приблизительно на 250.000.000 рублей золота и серебра. Пино и его другъ Иберти взяли въ отысканіи при помощи гидроскопа и извлечь элеваторами эти сокровища.

Прежде чѣмъ взяться за такое предпріятіе, Иберти изѣздилъ вдоль и поперекъ всю Испанію, посѣтилъ Мадридъ, Севилью, Кадиксъ, Люго, Сантъ-Яго, Кордову и др. города, рылся въ ихъ архивахъ, выискивалъ одно за другимъ подтвержденія и доказательства того, что дѣйствительно близъ Виго на днѣ морскомъ были погребены громадныя богатства. Одновременно съ этимъ онъ заключилъ съ испанскимъ правительствомъ договоръ, по которому Джузеппе Пино приобрѣталъ право на отысканіе и извлеченіе потонувшихъ сокровищъ. Испанское правительство сомнѣвалось, колебалось дать разрѣшеніе; приходилось убѣждать, доказывать, просить. Договоръ былъ наконецъ заключенъ. Потребовалось нѣсколько мѣсяцевъ на сооруженіе громаднаго гидроскопа. Въ концѣ марта 1904 года этотъ аппаратъ былъ установленъ на борту великолѣпной паровой яхты Пино «San Clemente» (рис. 2). Изготовленіе

гидроскопа замедлилось тѣмъ, что огромныя оптическія стекла аппарата были доставлены на три мѣсяца позднѣ условленнаго срока.

Произведя при Портофино еще рядъ опытовъ съ вновь сооруженнымъ гидроскопомъ, изобрѣтатель, вполне удовлетворившись имъ, отплылъ на своей яхтѣ въ Испанію и въ концѣ апрѣля прибылъ въ Виго. Всѣ предварительныя работы были выполнены самымъ тщательнымъ образомъ. Былъ построенъ цѣлый караванъ элеваторовъ, такъ какъ для подъема особенно большихъ тяжестей ихъ требуется нѣсколько; были избраны капитанъ и подходящий экипажъ судна, — всего сорокъ человекъ, — и въ общихъ чертахъ предначертано распределеніе суточныхъ работъ. А вскорѣ были сдѣланы и первые шаги къ осуществленію самаго предпріятія. Дисциплина на яхтѣ — превосходная. По ночамъ яхта освѣщается ярко горящими электрическими лампочками, разбрасывающими свѣтъ на далекое пространство. Каждый изъ работающихъ энергиченъ, бодръ, каждый заинтересованъ въ успѣхѣ дѣла. По заключенному съ Пино договору, испанскому правительству принадлежатъ двадцать процентовъ всѣхъ богатствъ, какія бы ни были добыты. Поэтому за всякимъ движеніемъ яхты Пино слѣдитъ испанское дозорное военное судно. Испанское правительство возлагаетъ большія надежды на Пино и его аппараты и твердо убѣждено въ наличности погребенныхъ подъ водами богатствъ.

Рабочій день начинается на «San Clemente» съ разсвѣта. Тотчасъ послѣ ранняго утренняго кофе назначается и отправляется цѣлая флотилія ботишковъ для изслѣдованія дна, экипажъ принимается за дѣло, а руководители начинаютъ свои занятія въ просторной каютѣ, записываютъ свѣдѣнія предшествовавшаго дня, заносятъ, что должно, на карты.

Изъ нѣсколькихъ гидроскоповъ самый большой водруженъ на особомъ паровомъ ботѣ и устанавливается самимъ Пино. Съ мая мѣсяца и до конца августа истекшаго года производились подготовительныя работы: зондировалась вся бухта, изучались приливы, отливы, течения, вторично было провѣрено на мѣстахъ множество разныхъ картъ. Вездѣ, гдѣ только гидроскопъ обнаруживалъ мѣсто, позволявшее почему-либо подозрѣвать присутствіе скрытаго «клада», какъ, напримѣръ, подозрительная повышенность дна, скученность песка, шпиль мачты, торчащій надъ дномъ, — на такихъ мѣстахъ устанавливались буи, бакены. Вся поверхность бухты покрыта теперь такими знаками. Что находится подъ ними, — выяснится послѣ.

Нѣсколько удачныхъ результатовъ, впрочемъ, уже получено. Открыто уже девять потонувшихъ галліоновъ (судовъ), опредѣлены ихъ названія, измѣрена вмѣстимость. Вскорѣ будетъ приступлено къ подъему одного изъ нихъ, носящаго имя «Санта-Крусъ». Можно надѣяться, что онъ будетъ извлеченъ цѣликомъ, такъ какъ оказалось, что даже снасти его замѣчательно сохранились. Если и не окажется на немъ ни золота, ни серебра, то такое стройное судно, какъ оригинальная рѣдкость, представляетъ большую цѣнность; цѣны уже одни рѣзные дубовыя украшенія, также отлично со-

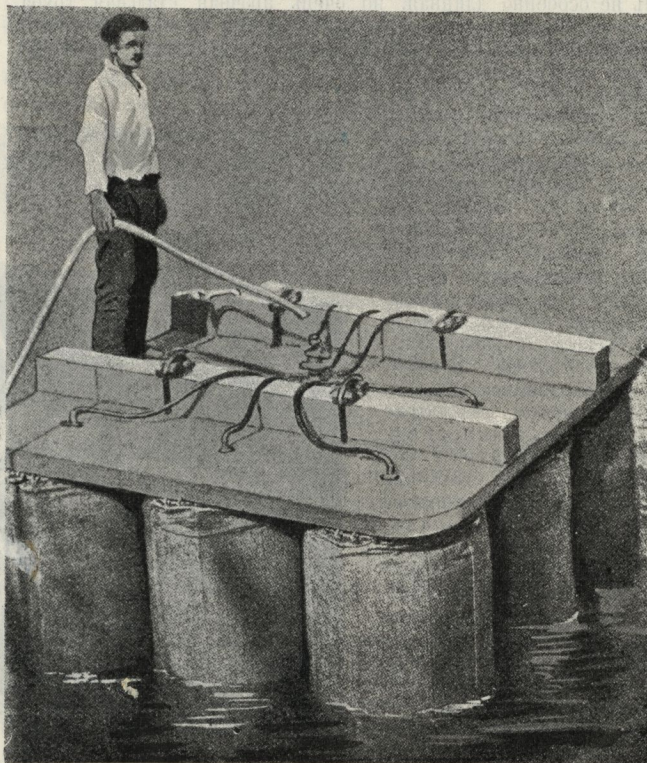

Рис. 5. Элеваторъ съ наполненными воздухомъ мѣшками.

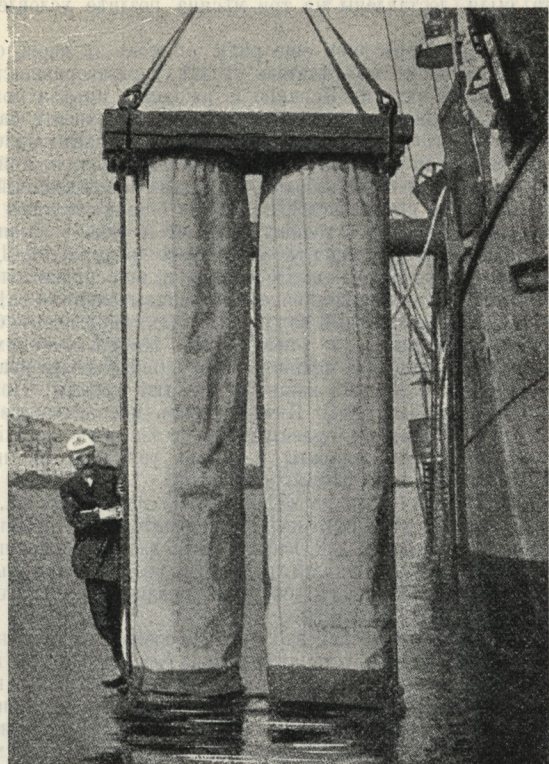

Рис. 6. Подъем тяжестей элеватором

хранявшийся и выполненный очень художественно. Изобретатель нисколько не сомневается, что элеваторы достаточно сильны для того, чтобы поднять целиком даже еще большее судно, чем «Санта-Крус»; только бы выдержало оно само.

Детали устройства изобретенных им аппаратов Пино, по вполне понятным причинам, держит пока в секрете. Но в общих чертах устройство их, по его собственным объяснениям, следующее:

Гидроскоп верхним своим концом приделан к круглой платформе, опущенной в воду (рис. 3); платформа, как упомянуто выше, прикрепляется к боту таким образом, чтобы аппарат можно было, по желанию, передвигать, наклонять. Платформа сделана из стали; чтобы легче держаться на воде, она «подшита» толстым слоем из пробки. На ней могут поместиться, стоя, до двадцати человек. От центра ее спускается вниз не особенно длинная, но очень прочная стальная труба, достаточно объемистая для того, чтобы внутри ее мог спускаться человек. Для этой цели в ней имеются ступеньки. Труба эта состоит из нескольких подвижных труб, которые, подобно обыкновенной зрительной трубке, могут удлиняться и укорачиваться, смотря по глубине исследуемой местности. Нижняя составная часть представляет собой довольно просторную камеру, заключающую в себя оптический стекл. Всего в аппарат двенадцать больших стекол, направленных в разные стороны. Морское дно и находящиеся на нем предметы можно рассматривать, или глядя непосредственно в гидроскоп, через стекла, или же — на экран, на который отбрасываются отражения зеркал, так что отражения на экран могут наблюдать одновременно несколько человек. Когда пароходный бот, равномерно подвигаясь вперед, волочить по воде платформу с гидроскопом, пред взорами зрителей проходит на экран интересная панорама таинственного морского дна.

Стекла большого гидроскопа были сданы в Париж за сумму около 20.000 рублей. Так дорого обошлись только стекла первого заказа; дальнейшие обойдутся вчетверо дешевле. Гидроскопы меньшего размера обходятся немногим дороже зрительных труб той же силы.

Основная идея устройства элеватора довольно проста.

К двум четырехугольным рамам-платформам прикрепляются, через круглые отверстия, эластичные мешки (рис. 4). Нижняя рама-платформа снабжена приспособлениями, посредством которых элеватор прикрепляется к поднимаемым предметам. В мешки, сжимающиеся при движении платформ, накачивается насосами воздух (рис. 5) до тех пор, пока его не будет достаточно, чтобы преодолеть давление воды и тяжесть данного предмета, — пока последний не устремится вверх (рис. 6). Каждый из элеваторов яхты «San Clemente» имеет до десяти мешков. Мешки изготовляются из двух слоев: внутренний — резиновый, а наружный — из брезента. Нижняя платформа снабжена еще сильным магнитом, для притягивания к ней поднимаемых железных предметов, каковы, например, затонувшие броненосные суда, пушки и т. п. Каждый элеватор на «San Clemente» в состоянии поднимать тяжести до 30 тонн. Действовать ими можно и в бурю.

Близ Виго поднято уже 5 пушек (рис. 7) общим весом около 16 тонн, а их предполагается там затопленными около 1.500. После того как они были открыты посредством гидроскопа, к ним спустили часть одного элеватора, прикрепили его, и когда был накачан воздух, то они всплыли вверх, словно огромные пробки. Еще найдено четыре паровых котла с английского судна, затонувшего шестнадцать лет назад. Один из них, весом в 70 тонн, поднять также очень легко и, как трофей, доставлен в Виго.

Недавно Пино придумал и устроил еще аппарат для извлечения небольших предметов из углублений, как-то: жемчужных раковин и т. п. Аппарат этот походит на человеческую руку — может, как она, разжимать и сжимать «пальцы», схватывать ими предметы, вынимать их из углублений, разселин.

Производя работы в Виго, Пино в то же время занят собиравшимся свидетелем о том, где еще можно применить его аппараты.

Гидроскоп, в частности, применим к рыболовству, добычу жемчуга, кораллов и т. д. Тогда как теперь рыболовы снати и др. снасти закидывают в воды, можно сказать, наудачу, «на счастье», — при помощи гидроскопа можно производить ловлю с полной гарантией обильного улова. То же самое и при добыче кораллов, жемчужных раковин и т. п.

Изобретатель думает предложить свои услуги, между прочим, России и Японии для подъема потонувших военных судов, за вознаграждение в двадцать процентов первоначальной стоимости судов.

Работы в Виго быстро подвигаются вперед и, вероятно, в скором времени закончатся с блестящим успехом. Погребенные много лет тому назад сокровища будут извлечены светом науки из мрачных глубин таинственного дна морского.

Рис. 7. Пушки, подняты со дна бухты Виго.

А. Д. Бутовскій. (Портр. на этой стр.).

Имя генерал-лейтенанта А. Д. Бутовскаго—одно из самых выдающихся в нашем военно-педагогическом мірѣ, и исполнившийся недавно рѣдкій юбилей—50-лѣтіе службы Алексѣя Дмитриевича Бутовскаго в офицерских чинахъ—былъ торжествомъ не только самого А. Д., но и всего военно-педагогического міра, которому онъ посвятилъ все свои силы и знанія.

Просвѣщенный августѣйшій руководитель военно-учебныхъ заведеній въ особомъ приказѣ по главному управленію ярко очертилъ «рѣдкую по энергіи и удивительную по добросовѣстности дѣятельность А. Д. Бутовскаго на пользу воспитанія и обученія нашей юной молодежи».

Начавъ свою дѣятельность съ скромнаго воспитателя, А. Д. прошелъ все ступени военно-учебной службы и, умудренный богатѣмъ педагогическимъ опытомъ, тонко изучивъ душу нашей военной молодежи, А. Д. уже въ качествѣ одного изъ руководителей нашего военнаго воспитанія принесъ ему огромную пользу и много содѣйствовалъ современной его высокой постановкѣ, являясь ближайшимъ сотрудникомъ августѣйшаго радѣтеля о благѣ нашей военной молодежи, великаго князя Константина Константиновича.

Неустанно работая въ цѣломъ рядѣ комиссій и совѣщаній по работѣ вопросовъ, связанныхъ со школьнымъ дѣломъ вообще и военно-учебнымъ дѣломъ въ частности, А. Д. почти постоянно сопутствовалъ и продолжаетъ сопутствовать великому князю при частыхъ поѣздкахъ его по военно-учебнымъ заведеніямъ, имѣющимъ цѣлью близкое соприкосновеніе съ бытомъ кадетскихъ корпусовъ, лицомъ къ лицу съ учащими и учащимися, сливающимися вмѣстѣ съ ихъ главными руководителями въ одну тѣсную, дружную семью.

Воспитанникъ Петровскаго-Полтавскаго кадетскаго корпуса, А. Д. удостоился въ день своего юбилея рѣдкой по своему внутреннему значенію награды—А. Д. высочайше дарованъ мундиръ родного его корпуса. Эта высочайшая награда заслуженно увѣнчиваетъ полувѣковую дѣятельность А. Д.—подъ этимъ мундиромъ впервые сознательно забилося его юное кадетское сердце, и онъ сохранилъ его юность и свѣжесть въ теченіе всего полувѣка своей трудовой жизни на благо родного кадета.

Бодрый и дѣятельный, А. Д. Бутовскій, нужно надѣяться, еще долгіе годы поработаетъ съ такой же блестящей пользой дѣлу физическаго и умственнаго развитія нашей военной молодежи.

Мятежъ въ Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ.

(Съ 17 рис. и 6 портр. на стр. 526, 527 и 528).

Въ настоящемъ номерѣ мы помѣщаемъ рядъ фотографическихъ снимковъ, богато иллюстрирующихъ происходившія въ прошломъ мѣсяцѣ печальныя событія въ Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ. Эти снимки лучше всякихъ описаній дадутъ читателямъ представленіе о тѣхъ ужасахъ, какія творились въ тѣ тяжкіе дни въ Финляндіи. Поясненіемъ нашихъ иллюстрацій можетъ служить помѣщаемое здѣсь краткое официальное сообщеніе:

«Въ теченіе минувшей недѣли въ городѣ Гельсингфорсѣ происходили митинги собравшихся здѣсь русскихъ революціонеровъ и финляндской красной гвардіи, съ участіемъ подвергшихся вліянію революціонной пропаганды нижнихъ чиновъ свеаборгскаго гарнизона. Отдѣльно отъ этихъ митинговъ устраивались засѣданія русскаго революціоннаго комитета совмѣстно съ начальствующимъ пер-

соналомъ красной гвардіи. Въ ночь на 18-е іюля въ крѣпости Свеаборгъ возникли безпорядки въ минной ротѣ, которая утромъ того же числа была обезоружена свеаборгскимъ крѣпостнымъ пѣхотнымъ полкомъ и арестована комендантомъ крѣпости. Въ 10 часовъ вечера поднялась крѣпостная артиллерія, захвативъ винтовки и пулеметы, овладѣла Михайловскимъ, Александровскимъ, Артиллерійскимъ и Инженернымъ островами и открыла огонь по Комендантскому и Лагерному островамъ, гдѣ находился комендантъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи упомянутый крѣпостной полкъ и подоспѣвшія изъ Гельсингфорса двѣ роты 2-го финляндскаго стрѣлковаго полка. 18-го и 19-го іюля происходилъ бой между вѣрными долгу присяги войсками и мятежниками, которымъ удалось прервать на время сообщеніе крѣпости съ Гельсингфорсомъ, вскорѣ, однако, восстановленное. Въ Гельсингфорсѣ засѣдалъ революціонный комитетъ, выпускавшій воззванія; отсюда же мятежники получали организованную красной гвардіей поддержку провіантомъ и людьми. 19-го іюля на Лагерномъ островѣ удалось соорудить изъ полевыхъ орудій батарею, огнемъ которой былъ взорванъ у мятежниковъ главный пороховой погребъ. Вечеромъ 19-го числа подошедшая къ Свеаборгу эскадра стала бомбардировать занятые мятежниками острова, и совмѣстными силами пѣхоты и флота форты были отобраны. Утромъ 20-го іюля бунтъ въ свеаборгской крѣпости былъ подавленъ. Въ числѣ захваченныхъ бунтовщиковъ имѣется нѣсколько лицъ, входящихъ въ составъ красной гвардіи. Одновременно съ бунтомъ въ Свеаборгѣ, упомянутое финляндское сообщество пыталось вызвать всеобщую забастовку въ Финляндіи, насильственно прекращая на нѣкоторыхъ заводахъ работы, а для поддержки свеаборгскаго мятежа и съ цѣлью воспрепятствовать передвиженію войскъ, красная гвардія испортила въ разныхъ мѣстахъ края телеграфъ и пути сообщенія. Въ предмѣстьѣ Гельсингфорса Сернесь

Генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Н. П. Зарубаевъ, назначенный генералъ-инспекторомъ пѣхоты.

Генералъ-лейтенантъ А. Д. Бутовскій. По поводу 50-лѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ.

она вступила въ столкновеніе съ полицейскими резервами и войсками. Движеніе красной гвардіи подавлено оружіемъ, при чемъ арестовано много лицъ».

Малюта Скуратовъ.

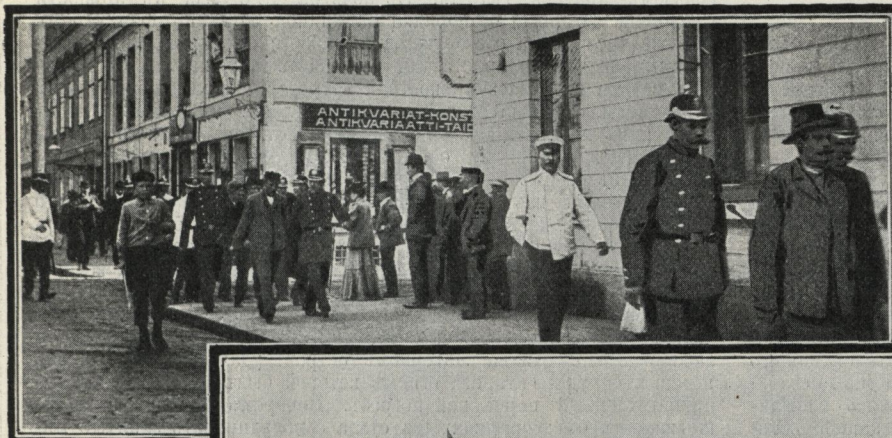
(Рис. на стр. 513).

Акварель талантливаго художника, профессора К. В. Лебедева очень характерно передаетъ типъ извѣстнаго историческаго злодѣя, Малюты Скуратова. Низкій лобъ, широкое скуластое лицо, при непомѣрно развитой нижней челюсти—признакъ животности и звѣрства, приплюснутый короткій носъ и острые выпѣвшіе, свирѣпыя глаза даютъ обликъ, напоминающій скорѣе звѣря, готоваго броситься на добычу, нежели человека... Да! Таковъ могъ быть въ дѣйствительности этотъ страшный исполнитель безчеловѣчныхъ вѣлній грознаго царя, не владѣвшаго собою, не знавшаго разумныхъ предѣловъ власти!.. Такимъ представляется онъ и намъ, когда поднимался со своего мѣста, по изступленному призыву Іоанна, и, нащупавъ за кушакомъ рукоятъ ножа, шелъ проливать кровь ни въ чемъ неповинныхъ людей... Страшный представитель этого кроваваго вѣка, привычнаго ко всякимъ ужасамъ, злодѣйствамъ и жестокостямъ,—представитель, даже и тогда казавшійся всемъ чудовищнымъ вырожденіемъ, отъ котораго все отворачивались съ омерзѣніемъ и внутреннимъ трепетомъ...

Эта великолѣпно исполненная акварель заимствована нами изъ альбома покойнаго издателя «Нивы» А. Ф. Маркса, поднесеннаго ему художниками и литераторами въ день 25-лѣтняго юбилея нашего журнала.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки, подписная плата за „Ниву“ 1906 года должна быть внесена полностью къ 1-му августа сего года. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться немедленнымъ присылкою остальной причитающейся съ нихъ суммы, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ № 36-го (отъ 9 сентября). При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.

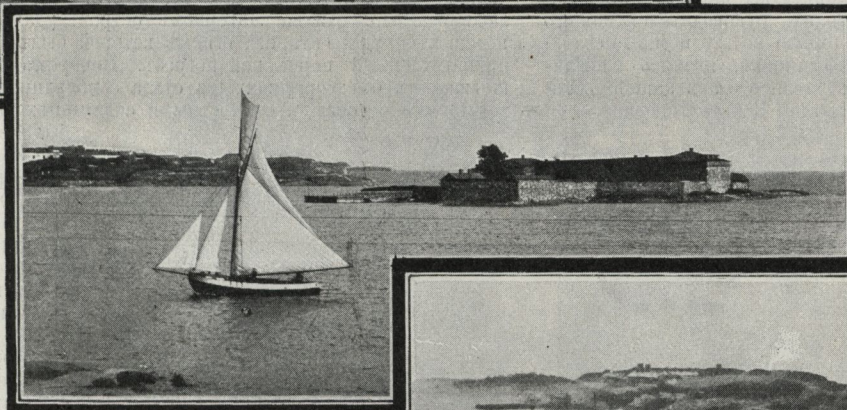

Архитекторъ
Линдбергъ, со-
стоявшій въ
„бѣлой гвар-
діи“ и павшій
въ бою съ
„красной гвар-
діей“.

Офицеръ „бѣ-
лой гвардіи“
Оккерманъ, уби-
тый въ столк-
новеніи съ
„красной гвар-
діей“.

Гельсингфорсъ.
„Красные гвар-
дейцы“, аресто-
ванные въ Свеа-
боргъ.

Михайловскій
островъ.

Гельсинг-
форсъ. Жители
города на-
блюдаютъ за
бомбардиро-
вкой Свеаборга.

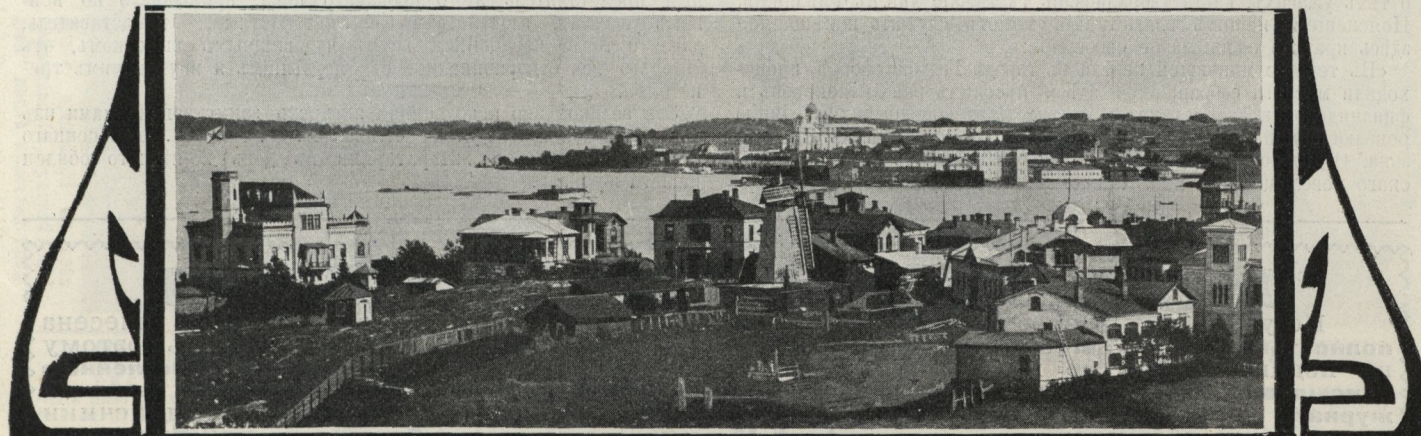
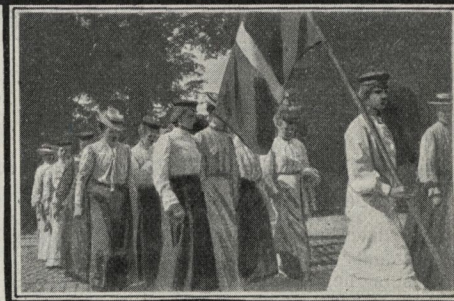
Жители Гельсингфорса наблюдаютъ изъ Брунсъ-парка
за событіями въ Свеаборгъ.

„Бѣлая гвар-
дія“.

Перенесеніе ар-
хитектора Г. А.
Линдберга, при-
надлежавшаго
къ городской
охранѣ („бѣлой
гвардіи“) и уби-
таго въ столкно-
веніи съ „крас-
ной гвардіей“.

Женщины
„красной гвар-
діи“. Послед-
няя демон-
страція.

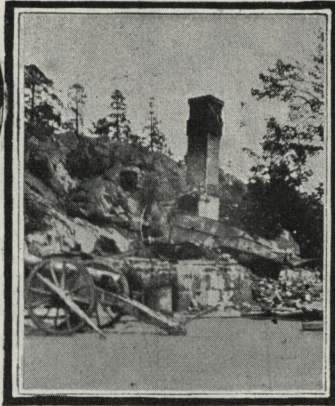
Общій видъ крѣпости Свеаборгъ.

Къ событіямъ въ Свеаборгъ и Гельсингфорсъ. По фотогр., доставленнымъ нашими корреспонд. А. Дранковымъ и Н. Олышанскимъ.

Мичманъ Н. К. Деливронъ, съ крейсера „Финнъ“, сорвавшій подъ огнемъ мятежниковъ красный флагъ со Скатудена и на смерть пораженный въ грудь четырьмя пулями.

Офицеръ „бѣлой гвардіи“ Колоніусъ, убитый въ столкновѣніи съ „красной гвардіей“.

Мѣсто взрыва пироксилиноваго погреба на Михайловскомъ островѣ.

Гельсингфорсъ. Солдаты, оцѣпивъ улицы, производятъ обыски и аресты.

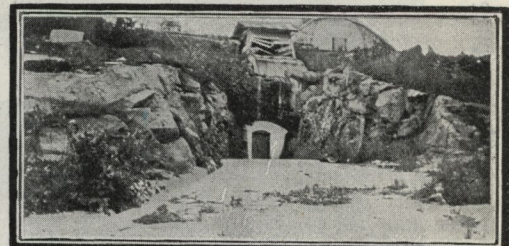
Гельсингфорсъ. Мѣстная полиція возстановливаетъ порядокъ.

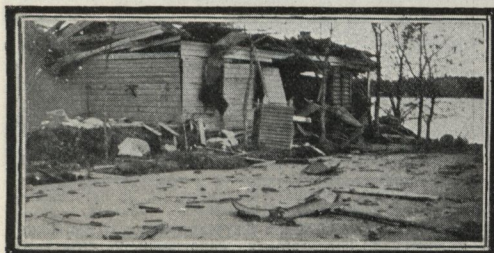
Гельсингфорсъ. Похороны съ музыкой и военными почестями солдата, убитого въ Свеаборгѣ.

Патрули у Скатуденскаго моста въ Гельсингфорсъ.

Разрушеніе, причиненное снарядомъ съ броненосца, близъ пороховаго погреба.

Разрушенный домъ на Михайловскомъ островѣ.

У братской могилы павшихъ въ Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ.

Къ событіямъ въ Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ. По фотогр., доставленнымъ нашими корреспонд. А. Дранковымъ и Н. Ольшанскимъ.

